

Е.А. Добрынина*

ПАМЯТНЫЕ КОЛЬЦА ДЕКАБРИСТОВ:
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И БЫТОВАНИЯdoi:10.31518/2618-9100-2025-6-16
УДК 94(47).073;069:002*Выходные данные для цитирования:*
Добрынина Е.А. Памятные кольца декабристов: история создания и бытования // Исторический курьер. 2025. № 6 (44). С. 227–242.
URL: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-16.pdf>

E.A. Dobrynina*

THE DECEMBRISTS' COMMEMORATIVE RINGS:
THE HISTORY OF THEIR CREATION AND EXISTENCE

doi:10.31518/2618-9100-2025-6-16

How to cite:
Dobrynina E.A. The Decembrists' Commemorative Rings: The History of Their Creation and Existence // Historical Courier, 2025, No. 6 (44), pp. 227–242.
[Available online: <http://istkurier.ru/data/2025/ISTKURIER-2025-6-16.pdf>]

Abstract. This article focuses on the history of the creation and use of commemorative items made from shackled iron. The tradition of making and wearing commemorative rings appeared long before the first half of the 19th century. Shackle rings, as souvenirs, appeared later. The Decembrist story associated with iron rings is the most famous and iconic, as it has facets reflecting several categories of memory: hard labor, shackle, sacrificial, kindred, symbolic. The ring is a symbol of imprisonment, the ring is a memory of punishment, the ring is an emblem of suffering. All this is directly related to the so-called Decembrist shackle rings. The Decembrists were kept in shackles in the fortresses where they were held before being sent to Siberia, which did not correspond to their class status. Shackles, irons, fetters – that's what the Decembrists called their bonds. Shackling in iron was one of the measures of influence on prisoners, which created a specific psychological situation. Many Decembrists, freed from their shackles in 1828, decided to preserve the memory of the terrible ordeal and therefore tried to find fragments of the removed glands, from which they began to make various souvenirs: rings, crosses, etc. Six Decembrists were engaged in making rings from shackled iron: Nikolai and Mikhail Bestuzhev, Petr Gromnitsky, Alexander Yakubovich, Petr Mukhanov, Nikolai Panov. It is difficult to recreate the circle of owners of rings, crosses and other shackle souvenirs, since the owners of such rarities could be many people from among relatives, friends and acquaintances of the Decembrists. Currently, the Decembrist rings made of shackled iron are kept in several museums in Russia, as well as in private collections. The Irkutsk Museum of the Decembrists is the owner of two legendary rings.

Keywords: Decembrists, shackles, ring, signet ring, cross, memory, emblem, Petrovsky Zavod, Irkutsk, museum.

The article has been received by the editor on 10.11.2025. Full text of the article in Russian and references in English are available below.

Аннотация. Статья посвящена истории создания и бытования памятных предметов, изготовленных из кандалного железа. Традиция изготовления и ношения памятных колец появилась задолго до первой половины XIX в. Кандалные кольца как памятные сувениры возникли позже. Декабристская история, связанная с кольцами из железа, самая известная и знаковая, поскольку имеет грани, отражающие несколько

* Елена Аркадьевна Добрынина, Иркутский областной историко-мемориальный музей декабристов, Иркутск, Россия, e-mail: decemb-ed@mail.ru
Elena Arkadyevna Dobrynina, Irkutsk Regional Historical and Memorial Museum of the Decembrists, Irkutsk, Russia, e-mail: decemb-ed@mail.ru

категорий памяти: каторжную-кандальную, жертвенную, родственную, символическую. Кольцо – символ заточения, кольцо – память о наказании, кольцо – эмблема страдания. Все это имеет непосредственное отношение к так называемым кандалным кольцам декабристов. Декабристов еще в крепостях, где они содержались до отправки в Сибирь, держали в кандалах, что не соответствовало их сословному статусу. Кандалы, железа, оковы – так называли свои узы декабристы. Заковывание в железо было одной из мер воздействия на заключенных, создававшей специфически-психологическую обстановку. Многие декабристы, освободившись в 1828 г. от оков, решили сохранить память о страшном испытании и потому постарались обрести фрагменты снятых желез, из которых стали делать различные сувениры: кольца, крестики и пр. Изготовлением колец из кандального железа занимались шестеро декабристов: Николай и Михаил Бестужевы, Петр Громницкий, Александр Якубович, Петр Муханов, Николай Панов. Круг обладателей колец, крестиков и других кандалных сувениров воссоздать сложно, поскольку владельцами таких раритетов могло быть множество людей из числа родственников, друзей и знакомых декабристов. В настоящее время кольца декабристов из кандального железа хранятся в нескольких музеях России, а также в частных собраниях. Обладателем двух легендарных колец является Иркутский музей декабристов.

Ключевые слова: декабристы, кандалы, кольцо, перстень, крест, память, эмблема, Петровский Завод, Иркутск, музей.

Статья поступила в редакцию 10.11.2025 г.

История изготовления и ношения памятных колец началась задолго до первой половины XIX в., возможно с «кольца рыбака», также известного как папское кольцо, папский перстень и кольцо Святого Петра. Однако кольца-печатки как знаки и эмблемы появились гораздо раньше – в Древнем Египте, Греции и Риме.

В XVIII и XIX вв. ювелирные изделия часто стали выходить за пределы чисто декоративной функции и являться памятными знаками исторических событий. Кольца как атрибуты, демонстрирующие политическую принадлежность, впервые появились в Европе во второй половине XVIII в. Патриотические ювелирные изделия носили в знак протеста, как вызов после Французской революции 1789–1799 гг. Большое распространение получают в эпоху классицизма и памятные кольца, посвященные важным историческим событиям, известным публичным деятелям, выдающимся полководцам, например в Англии – Нельсону, во Франции – Наполеону.

Еще в эпоху Средневековья появляются первые кольца *memento mori* («помни о смерти») с изображением черепов, скелетов, декорированных эмалью, с цитатами из Священного Писания. Новый виток в развитии мемориальных украшений начнется со второй половины XVIII в., когда оформляются идеи сентиментализма¹. Обладателем кольца с черепом был герой повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» Алексей Берестов². Роковое кольцо дополняет его образ, указывая на тип байронического героя – загадочного, мрачного и разочарованного, который появился в кругу уездных барышень.

К эпохе Средневековья восходит и история масонских колец. На них изображались различные масонские символы: квадрат и циркуль, крест тамплиеров, треугольник шотландского устава. Кольца также различались в зависимости от степени посвящения владельца в масонский орден. Таким образом, масонские кольца являются символом принадлежности к древнему братству, верности его традициям и идеалам.

¹ Габриэль Г.Н. Из истории ювелирного искусства: памятные, мемориальные и траурные украшения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 26–31.

² Пушкин А.С. Повести Белкина с комментариями. М., 2022. С. 119.

Когда появились кольца – символы ученического братства, неизвестно, однако одна история, связанная с первым выпуском знаменитого учебного заведения, нашла освещение в письмах декабриста И.И. Пущина, лицейского друга А.С. Пушкина. 21 июня 1817 г. из стен Императорского Царскосельского лицея вышли и вступили во взрослую жизнь первые 29 выпускников. Этот выпуск историки называют «золотым». А сами лицеисты первого выпуска именовали себя «чугунниками». 14 марта 1830 г. из Читы Иван Пущин писал бывшему директору лицея Е.А. Энгельгардту: «Скажите что-нибудь о наших чугуниках, об иных я кой-что знаю из газет и по письмам сестер, но этого для меня как-то мало»³. Энгельгардт подарил окончившим Лицей чугунные кольца как символ прочности лицейской дружбы. Кольца были изготовлены из осколков чугунного колокола, который в течение шести лет призывал лицеистов на занятия. По традиции колокол разбивался после каждого выпуска. Кольца, полученные лицеистами, были изготовлены из простого металла, с изображением сплетенных в пожатии рук – символ несокрушимой дружбы и памяти. После выпуска носил такое кольцо, не снимая до ареста, И.И. Пущин. Об этом есть официальное свидетельство, поскольку перстень был изъят у привлеченного к следствию по делу 14 декабря Пущина в 1826 г. Чугунный перстень в золотой оправе был передан в числе других вещей сестре декабриста А.И. Пущиной⁴. И скорее всего именно сестрой позднее был возвращен И.И. Пущину.

Воспоминания о лицейских товарищах не оставляли декабриста в течение всей жизни. Из Петровского Завода 20 июня 1838 г. Пущин писал И.В. Малиновскому: «В день воспоминаний лицейских я получил письмо твое от 8 апреля, любезный друг Малиновский; ты, верно, не забыл 9 июня и, глядя на чугунное кольцо, которому минуло 21 год, мысленно соединился со всеми товарищами, друзьями нашей юности. <...>. Прошу тебя на досуге поговорить мне побольше и поподробнее о наших чугуниках»⁵. Миновали годы каторги, и, находясь на поселении в Туринске, в письме, адресованном Е.А. Энгельгардту, декабрист упоминает о возрасте кольца: «На днях минет нашему кольцу 24 года. Оно на том же пальце, на который вы его надели»⁶. Лицейский день с каждым годом становится тяжелее и горше из-за потери друзей. В письмах директору лицея и старшему другу все больше сожалений: «Горько слышать, что наше 19 октября пустеет: видно, и чугунное кольцо истирается временем»⁷, «Сегодня проснулся в лицейской зале. Поистерся немного чугуна на моем кольце, но воспоминание свежо»⁸. Шли годы, менялись места поселения, неизменными оставались Сибирь и память. 12 августа 1853 г. И.И. Пущин писал Энгельгардту из Ялуторовска: «Последняя ваша грамотка у меня два месяца уже гостит. Она пришла 7-го июня, а 9-го мы надели ваше чугунное кольцо, которое у меня на руке уже 36 лет. В этот памятный всем нам день передо мной стояла “Лицейская заря” с вашим портретом. <...> Между тем, пока я так упорно молчал с вами, дошло до меня ваше письмо, начатое 19-го октября и конченное 10-го ноября. От души вам спасибо за воспоминание годовщины старых чугуников»⁹. И почти за год до смерти, 9 июня 1858 г., из Нижнего Новгорода в письме жене Н.Д. Пущиной вновь о памятной дате: «Здесь остаюсь до 16-го. <...> Сегодня день моего выпуска из Лицея в 817-м году. Поглядел на кольцо, вспомнил всех однокашников»¹⁰.

Появление памятных колец из неблагородных металлов, которые носили члены различных сообществ, связано и с именем «первого» декабриста В.Ф. Раевского. Возможно, дружба с А.С. Пушкиным, чугунное кольцо на его пальце и рассказ поэта о братстве «чугуников» послужили началом истории железных колец дружеского сообщества – офицерского

³ Пущин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М., 1999. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. С. 92.

⁴ Восстание декабристов. Документы. М., 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов. С. 60.

⁵ Пущин И.И. Сочинения и письма... Т. 1. С. 105.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 312.

⁸ Там же. С. 319.

⁹ Пущин И.И. Записки о Пушкине. Письма. М., 1989. С. 284–285.

¹⁰ Пущин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 2001. Т. 2: Письма 1850–1859 гг. С. 427.

кружка 7-го пехотного корпуса, расквартированного в Каменец-Подольске. Известно, что в 1816 г. в Каменец-Подольске было содружество, члены которого носили железные гладкие кольца. В нем состояло пятеро молодых людей: адъютант командующего 7-м пехотным корпусом П.Г. Приклонский, адъютант командующего артиллерией того же корпуса поручик В.Ф. Раевский, свитский офицер, капитан квартирмейстерской части штаба корпуса С.Ф. Кисловский, штабс-капитан Тамбовского пехотного полка Е.И. Губин и инспектор Подольской врачебной управы доктор Диммер. «В знак дружбы и единомыслия члены этого кружка носили одинаковые железные кольца»¹¹.

Носил ли В.Ф. Раевский такое кольцо на протяжении жизни, неизвестно, как и то, что обозначало чугунное кольцо для подполковника А.В. Поджио, изъятое у него в 1826 г. «Золотые часы с золотым ключиком, при них черное чугунное кольцо», – гласит запись в документах об изъятии имущества у декабриста¹². В этих же документах есть сведения и о других предметах, изготовленных из чугуна, – «образ Спасителя и портрет покойного государя чугунные», находившиеся среди вещей арестованного полковника Р.В. Любимова¹³. Вряд ли удастся установить, почему столь значимые для людей того времени памятные предметы были сделаны из простого металла и как они выглядели. Важно то, что они были.

Декабристская история, связанная с кольцами из железа, пожалуй, самая известная и знаковая, поскольку имеет грани, отражающие несколько категорий памяти: каторжную-кандачную, жертвенную, родственную, символическую. По древнегреческому мифу, первым обладателем железного кольца, сделанного из оков, был Прометей. Кольцо – символ заточения, кольцо – память о наказании, кольцо – эмблема страдания. Все это имеет непосредственное отношение к так называемым кандачным кольцам декабристов.

Декабристов еще в крепостях, где они содержались до отправки в Сибирь, как простолюдинов держали в кандалах, что не соответствовало их сословному статусу. Кандалы, железо, оковы – так называли свои узы декабристы по обыкновению того времени. Но, пожалуй, железо – это самое красноречивое определение. Заковывание в железо было, по существу, одной из мер воздействия на заключенных, создававшей специфически-психологическую обстановку. Вместе с тем этой мерой пользовались и как одним из средств добиться большей откровенности в показаниях¹⁴. Тяжесть кандалов должна была облегчить признание, а скованность движения развязать языки. Об этом свидетельствуют воспоминания ряда декабристов: И.Д. Якушкина¹⁵, М.С. Лунина¹⁶, А.В. Поджио¹⁷, А.Е. Розена¹⁸. Аналогичные сведения имеются в материалах следствия: в соответствии с показаниями подследственных их либо заковывали, либо расковывали – так поступали с А.А. Бестужевым¹⁹, С.М. Семеновым²⁰, Н.Р. Цебриковым²¹ и др.

Отправлявшихся в Сибирь заковали в Петропавловской крепости сразу после вынесения приговора. Оковы вызывали недоумение и возмущение осужденных²², кандалы были тяжелым испытанием – и морально, и физически, ведь вес кандачной связки составлял от 3 до 9 кг. В дальнейшем кандалы носили круглосуточно, даже ночью, снимали их только в бане и при посещении церкви²³. Приказ императора о снятии кандалов вышел в 1828 г.

¹¹ В.Ф. Раевский: материалы о жизни и революционной деятельности. Иркутск, 1980. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. С. 10, 12.

¹² Восстание декабристов. Документы... С. 107.

¹³ Там же. С. 232.

¹⁴ Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 711.

¹⁵ Щеголев П.Е. Николай I и декабристы: очерки. Пг., 1919. С. 12.

¹⁶ Лунин М.С. Сочинения, письма, документы. Иркутск, 1988. С. 128–129.

¹⁷ Поджио А.В. Записки, письма. Иркутск, 1989. С. 98.

¹⁸ Розен А.Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 156–158.

¹⁹ Покровский А.А. Предисловие // Восстание декабристов. Материалы. М., 1925. Т. 1. С. XV, XVI–XVII.

²⁰ Там же. С. XVI–XVII.

²¹ Щеголев П.Е. Николай I и декабристы... С. 4.

²² Розен А.Е. Записки декабриста... С. 203–204, 210.

²³ Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 135; Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи. Иркутск, 1988. С. 125–126.

Практически во всех мемуарах и записках декабристов это событие нашло отражение. «Однажды нас собрали всех в нашу столовую, – вспоминал Н.И. Лорер, – то есть в один из больших номеров, и Лепарский пришел в мундире и при оружии, значит, не по-домашнему. “Господа, – обратился он к нам, – я с радостью поспешил сюда, чтоб объявить вам, что получил высочайшее повеление снять с вас оковы”, – и, обратившись к плац-майору, приказал собрать железа и доставить в казенный цейхгауз. Инвалиды принялись исполнять приказание, а каждый из нас оставил себе на память кольцо; из [этих колец] со временем искусник Бестужев понаделал крестиков в память грустного времени»²⁴. Вот как пишет об этом И.Д. Якушкин в своих «Записках»: «Комендант <...> приказал присутствовавшему тут караульному офицеру снять со всех железа, пересчитать их и принести к нему. Потом все эти оковы хранились у Смольянинова, горного заводского чиновника, женатого на побочной дочери Якоби, бывшего генерал-губернатора в Иркутске, а она приходилась сродни Анненкову, который был родной внук этого Якоби, и потому всегда была возможность добывать от Смольянинова эти железа по частям на разные поделки; из них большею частию наделаны кольца»²⁵. Так же рассказывает об этом А.Е. Розен: «Не помню, кому из нас удалось выменять одну пару кандалов; из них сковали памятные вещи, доньше имею крест и кольцо полировки Якубовича»²⁶.

Таким образом, многие декабристы, освободившись от оков, решили сохранить память о страшном испытании и потому постарались обрести фрагменты снятых желез. Кандалные кольца как памятные сувениры появились позже.

Михаил Бестужев, один из авторов идеи и изготовителей кандалных сувениров, вспоминал: «Мне пришла мысль сделать для сестер своих и матушки кольца из железа»²⁷. Однако первые кольца, изготовленные братьями Бестужевыми в Петровском Заводе для матери и сестер, до них не дошли. Н.А. Бестужев в январе 1838 г. писал Марии и Ольге Бестужевым: «<...> посылаем вам, душечки сестрицы, кое-какие вещицы, нами соображенные. Во-первых, 4 колечка, подложенные золотом в замену тех, которые до вас не дошли, матушке и вам по колечку»²⁸. В посылке, о которой идет речь, отправленной в 1837 г. и не дошедшей до адресатов, были кольца для всех членов семьи Бестужевых: «Мы с братом первые отослали сестрам и братьям шесть колец черных, подложенных китайским золотом»²⁹. Китайские изделия из серебра и золота попадали к декабристам от кяхтинских купцов. «Искусные мастера Бестужевы использовали их в своих ремесленных и ювелирных работах. Отправляя родным “разные безделушки своей работы”, рабочие ящички для сестер с изображением сибирских цветов, янтарный крест для матери и другое, М.А. Бестужев писал 26 ноября 1837 г.: “Чтоб вас познакомить с нашими соседями китайцами, то знайте, что все серебро и золото – из Срединного Государства”»³⁰.

Об изготовлении памятных кандалных колец больше всего сведений содержится в воспоминаниях М.А. Бестужева: «По прибытии нашем в Петровский каземат, когда прорублены были в наших стойлах конюшенные окна и когда я, переходя от ремесла к ремеслу, занялся золотых дел мастерством, Киреев просил меня сделать из звена его кандалов кольцо и крестик для отсылки к своим родным. Надо вам сказать, что мысль делать кольца из желез, в которых мы были закованы в Чите, мне первому пришла в голову. Вы вправе спросить: откуда мы взяли звенья из желез, когда их сняли с нас в Чите, вследствие милостивого манифеста (обратите внимание на милостивый манифест, который только и ограничивался этою милостью. Как милость, нас избавляли от оков – когда надеть их на нас запрещал закон, им же, при восшествии на престол, подтвержденный).

²⁴ Лорер Н.И. Записки декабриста... С. 148–149.

²⁵ Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы. Иркутск, 1993. С. 118–119.

²⁶ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 237–238.

²⁷ Воспоминания Бестужевых... С. 247.

²⁸ Бестужев Н.А. Сочинения и письма... С. 389.

²⁹ Воспоминания Бестужевых... С. 313.

³⁰ Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск, 2007. С. 44.

Кто хотел, каждый отпилил от цепей заблаговременно несколько колец, или звеньев, и хранил при себе. <...> Посланные кольца пропали бесследно, и мы должны были послать снова столько же. Между тем наши дамы пожелали иметь такие же»³¹. «Идея железных колец пришла в голову мне первому. В то время мне уже надоело башмачное и картонерное мастерство, я перешел к слесарному и золотых дел мастерству, тем охотнее, что в брате я имел дарового и снисходительного наставника и к услугам – все нужные инструменты. Начинать с трудного трудно, и я начал с самого легкого и удобного: мне пришла мысль сделать для сестер и матушки кольца из желез своих. Когда в Чите по милостивому манифесту с нас снимали цепи, которых по закону не имели права надевать на нас, я и некоторые из союзников, дав солдату на водку и сделав ему некоторые подарки из своего скудного гардероба, утаили наши цепи, и они-то послужили мне первым материалом для колец. Отосланные пять колец не дошли до назначения, ими впервые красовались пальчики дочерей какого-либо почтового чиновника. С помощью брата и Громницкого (самого усердного и понятливого ученика брата) я сделал новые пять и на этот раз уже подложенные вместо серебра золотом, вытянутым из колец наших дам, которые отдали их с тем, чтобы мы с братом им сделали такие же железные кольца»³².

М.Н. Волконская подтверждает высказывание М.А. Бестужева, отдавая, правда, пальму первенства Николаю Бестужеву: «Заключенные, вне часов, назначенных для казенных работ, проводили время в научных занятиях, чтении, рисовании. Н. Бестужев составил собрание портретов своих товарищей, он занимался механикой, делал часы и кольца; скоро каждая из нас носила кольцо из железа мужниных кандалов»³³. «Вскоре желание иметь такие кольца, – продолжал М.А. Бестужев, – распространилось до такой степени, что не только все наши дамы, не только многие из товарищей для себя и для родных, а поступали просьбы от знакомых и незнакомых через своих знакомых, так что это занятие вместо удовольствия превратилось для нас в тяжелый труд, и мы начали уклоняться от просьб. Тогда в Петровском, как в Риме подделка античных произведений, открылась промышленная подделка декабристских колец. Лучшие слесаря Петровского Завода открыли свои лавочки для продажи заветных колец, модницы и львы Кяхты, Удинска и Иркутска приезжали или присылали в Петровск в эти импровизированные магазины и с гордостью хвастались перед другими таким дешевым отличием. Кяхтинские и иркутские дамы, знакомые нашим дамам, пожелали иметь такие же; их мужья и братцы пожелали иметь такие же – одни из тщеславия, другие – из доморощенного либерализма. Одним словом, этот священный залог, эмблема нашего страдания за истину, сделался пошлым украшением каждой кяхтинской львицы, каждого денди в Иркутске.

Мы, будучи не в силах удовлетворить вопиющим просьбам, отказались удовлетворять их, хотя этим уже занимались человек около шести из товарищей. Тогда за этот доходный промысел принялись петровские слесаря, как поступают в Риме с поддельными камнями, и продавали модникам и модницам железные кольца почти на вес золота»³⁴. «Мы делали и посылали сестрам и нашим дамам, и дамам сибирским разные милые вещицы. Особенно делали много колец из наших желез, подложенных золотом. Эта мода в Сибири так усилилась, требование на кольца так возросло, что явились промышленники и образовалась особенная отрасль торговли – подложными кольцами»³⁵.

Итак, исходя из цитируемых воспоминаний, можно сказать, что изготовлением колец из кандалного железа занимались шестеро декабристов: Николай и Михаил Бестужевы, Петр Громницкий, А.И. Якубович, П.А. Муханов, Н.А. Панов. Обладателей же колец, крестиков и других кандалных сувениров перечислить сложно, поскольку владельцами таких раритетов мог быть широкий круг людей из числа родственников, друзей и знакомых декабристов.

³¹ Воспоминания Бестужевых... С. 313–314.

³² Там же. С. 247.

³³ Волконская М.Н. Записки княгини М.Н. Волконской. СПб., 1904. С. 101.

³⁴ Воспоминания Бестужевых... С. 314.

³⁵ Там же. С. 158–159.

Мать, сестры и братья Бестужевых стали первыми членами своеобразного сообщества кандалных эмблем. «Возвратимся к Кирееву, – сообщал М.А. Бестужев, отвечая на вопросы издателя М.И. Семецкого. – Я для него сделал очень маленькое дамское колечко, подложенное китайским золотом, и крестик, оправленный в то же золото»³⁶. Все одиннадцать жен декабристов носили кольца из мужниных кандалов. Железные крестики были у Ф.Б. Вольфа, А.П. Юшневского, А.З. Муравьева, И.Д. Якушкина.

Однако не только кандалы стали материалом для изготовления «эмблемы нашего страдания». 27 августа 1837 г. из Петровского Завода писала своему деверю Семену Петровичу Мария Казимировна Юшневская: «Есть у меня шитый китайский кисетик, который я тебе пришлю, и еще тебе пришлю нечто железное, в надежде, что оно доставит тебе удовольствие. Только это со временем ты получишь, и будет для тебя сюрприз. Твоя друг и сестра Марья Юшневская.

Думаю, друг мой Семен Петрович, что доставлю тебе маленькое удовольствие припискою моею. Я еще придумала послать тебе железный крестик, сделанный из выломанного кусочка железа у окошечной решетки из того номера и того каземата, в котором жил твой добрый брат и я с ним. – О.А.³⁷ вручит тебе его. Он сделан одним из наших господ в каземате. Я еще тебе пришлю через нашу почту железное кольцо, оправленное в золото. Оно будет сделано из желез, которые носили все наши страдалцы. Все это можешь ты узнать от достойного подателя сего. В письме моем чрез почту я не скажу тебе, что это железное кольцо сделано из желез, но с сим тебя извещаю, чтобы ты знал, мой друг, почему я посылаю тебе железные вещи»³⁸.

Памятное кольцо было послано Александром Барятинским сестре Варваре в 1837 г. «Я получила твое письмо, – отвечала брату Варвара Петровна, – датированное 12 марта, и, если я [еще] тебе не ответила, это потому, что я хотела, прежде чем тебе писать, получить кольцо, сопровождавшее его. <...> Я благодарю тебя самым нежным поцелуем за этот знак дружбы, который доставил мне столько удовольствия. Я его тут же надела на палец, чтобы более не снимать, тебе не нужно это мне советовать: оно слишком дорого, чтобы когда-либо расстаться с ним»³⁹.

Крест из железа кандалов носил А.З. Муравьев. «У меня остался крест железный с бронзовым распятием, который с первым случаем отошлю сыну вашему через вас; это сделанный крест из железа кандалного, которое носил Ар[тамон] З[ахарович] целый год», – писала Вере Муравьевой Мария Юшневская в декабре 1846 г.⁴⁰

Традиция создания памятных колец из простых природных материалов здесь, в Сибири, была связана не только с декабристскими кандалами. 14 августа 1830 г. П.А. Муханов писал сестрам: «Посылаю вам 5 сердоликов, которые я сам нашел, и прошу вас приказать сделать 6 колец – матери, к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне], вам двум, Китти и Лили. Я хотел бы, что[бы] кольца были тонкие чугунные или железные и сверху вставлены были сердолики. Если это можно сделать – исполните и носите на память. Все, что дорого, мило и близко моему сердцу, заключено в том малом числе людей, и мне хотелось бы, чтобы вы имели на руки сибирские камешки. Найденное мною к[няжне] Вар[варе] Мих[айловне] прошу вас переслать ей от меня. А придя в Петровскую, [сделаю] каждой из вас по кольцу своей собственной работы»⁴¹.

Умельцы из числа декабристов занимались золотых дел мастерством и на поселении. Об этом писал чиновник Л.Ф. Львов, бывший в Сибири с инспекцией и оставивший

³⁶ Воспоминания Бестужевых... С. 158–159.

³⁷ Лепарский Осип Адамович (?–1876) – плац-майор в Петровском Заводе.

³⁸ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 370. Оп. 1. Д. 41. Л. 24.

³⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 279. Оп. 1. Д. 156. Л. 64. Письмо В.П. Винкевич-Зуб от 24 августа 1837 г. на французском языке. Перевод сделан Е. Лебедевой, ею же предоставлены архивные данные.

⁴⁰ Добрынина Е.А. М.В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов // Декабристское кольцо. Вестник Иркутского музея декабристов: сб. ст. Иркутск, 2021. Вып. 6. Вып. 6. С. 118.

⁴¹ Муханов П.А. Сочинения, письма. Иркутск, 1991. С. 236.

обширные воспоминания. Он познакомился в Иркутске с Ф.Ф. Вадковским, вместе они участвовали в благотворительном концерте, организованном генерал-губернатором Восточной Сибири В.Я. Рупертом, и играли на нем концертино для двух скрипок композитора Людвиг Шпора: «В память этого концерта я приказал распилить лично найденный мной на реке Онон в песках сердолик, сделать два кольца и выгравировать на них по два первых такта Консенданта, что мы с Вадковским исполняли: мотив первого голоса – для Вадковского, второго – для меня. Панов, занимающийся золотых дел мастерством, обделал кольца очень хорошо. Кольцо мое и по сие время сохраняю; что же касается Вадковского, то он не дожил до всеобщей амнистии 1856 года. Куда его кольцо девалось после его смерти, дознаться трудно»⁴².

Очень распространен был и обмен памятными предметами. В.И. Штейнгейль, покинувший Петровский Завод и проживавший на поселении в с. Елань Иркутской губернии, писал 25 июля 1836 г. матери братьев Бестужевых Прасковье Михайловне: «Накануне нашей разлуки весь день и большую часть ночи провели вместе. Он (Михаил Бестужев. – Е. Д.) у меня все укладывал и снаряжал меня: хлопотал как самый нежный сын. Я оставил ему свою чашку, он мне дал свой стакан, из которых 9 лет пили чай, и я берегу стакан как святыню; уверен, в той же чести чашка»⁴³.

Декабрист Владимир Толстой, описавший случай кандалного обмена, был отправлен в Сибирь 10 февраля 1827 г. Прибыл в Читинский острог 9 апреля 1827 г. и сразу же высочайшим указом был отправлен на поселение в Тункинскую крепость Иркутской губернии, т.е. в Чите находился не более двух месяцев. После публикации А.Е. Розеном «Записок декабриста» в 1870 г. в Лейпциге В.С. Толстой оставил на полях и в тексте принадлежавшего ему экземпляра книги многочисленные пометы, замечания, поправки. Рядом с упоминанием у Розена Александрины Муравьевой написал: «При выезде из [Читы я виделся] с этою великою женщиною, святою мученицею, я был у нее, она просила прислать ей мои кандалы для перемены на счастье ее мужу. Это было исполнено»⁴⁴. Известно, что обмен кандалами не помог Никите Муравьеву освободиться от них раньше, чем другие декабристы. Да и состоялся ли этот обмен?

А вот обмен кольцами, как и дарение колец на память, всегда был сродни клятве верности. Известно письмо Ф.Б. Вольфа из Урика от 11 ноября 1836 г. супругам Фонвизиным: «После вашего отъезда я очень сблизился с Трубецкими. Эти добрые люди забыли все мои недостатки моего иногда несносного нрава и приняли меня в свою семью как родного, я любил их как только мог; мы расстались в часовне, обливаясь горькими слезами в объятиях друг друга. Добрые, истинно добрые люди. К[атерина] И[вановна] дала мне свой портрет и кольцо на память, которое привязала сама на мой железный крест, оно и теперь на груди у меня и никогда с нее не сойдет. Наталья Дмитриевна, пришлите мне которое-нибудь из ваших колечек на память от обоих вас, я буду его носить на том же кресте и соединю воспоминание людей, мне неизъяснимо милых. Вы, верно, получили письмо, в котором я вас уведомлял, что могила Вавинки⁴⁵ совершенно dokonчена. Гранитную плиту положили при мне. Я ездил сам к каменщикам и велел при себе отрубить кусок от гранита, который поставили, из его я приказал отшлифовать два камушка и сделал из одного кольцо для вас, Наталья Дмитриевна, с золотом, которое вы мне дали для доски, потому что ее прислали уже прекрасно вызолоченную, а для вас, Михаил Александрович, я посылаю другой камушек, неоправленный, я из него ничего не делал, полагая, что вы сами придумаете что-нибудь сделать. Мысль эта мне пришла, когда вы просили песку и цветов с могилы, но ни того ни другого не было, все они из камня и гранита»⁴⁶.

Существует легенда, что Алексей Дмитриевич Старцев, сын Николая Александровича Бестужева, до конца своих дней носил на мизинце правой руки «кандалное кольцо»,

⁴² Львов Л.Ф. Записки Леонида Федоровича Львова // Русский архив. 1885. № 4. С. 542.

⁴³ Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. С. 235.

⁴⁴ Розен А.Е. Записки декабриста... С. 44.

⁴⁵ Сын Фонвизиных Иван (1832–1834).

⁴⁶ ОР РГБ. Ф. 319. Оп. 1. Д. 66. Л. 3–3 об.

сделанное отцом. Однако сейчас эта реликвия считается утерянной. Уже приводились цитаты из писем и воспоминаний декабристов и декабристок, свидетельствующие, что, кроме перстней, из кандалов было сделано некое количество крестов. Знаменитый ученый-китаист Иоакимф Бичурин, неоднократно бывавший в Забайкалье, встречался с декабристами в Петровском Заводе. Его внучка вспоминала, что дед «всегда беспрекословно исполнял все ее прихоти и лишь в одном упорно отказывал: он не соглашался подарить ей четки, которые носил “постоянно, не снимая их даже на ночь”. В ответ на многочисленные просьбы внучки Бичурин неизменно отвечал: “Когда вырастешь и будешь умнее, тогда и подарю”. Через несколько лет внучка окончила Смольный институт, и дедушка привез ей подарки. И тогда, увидев у него на руке четки, она напомнила ему о давнем обещании. Выражение лица Бичурина, по словам мемуаристки, “быстро изменилось; оно сделалось серьезно, брови сдвинулись”. После колебаний он все же начал разматывать четки и сказал ей: “Ну ладно. Запомни только, Наденька, что я тебе скажу, запомни и сбереги их. С той минуты, когда я получил эти четки, я никогда не снимал их; они мне очень дороги. Был у меня дорогой друг, в Сибирь сослали его... Он сам делал их, и этот крестик из его собственных оков и сделан им самим. Ну что, поняла теперь, как дороги они мне и как тяжело мне их отдать”. Внучка стала отказываться. “Может, мне и жить-то осталось недолго, – в раздумье проговорил Бичурин, – все равно, махонькая, на, возьми их”. Передавая ей четки, Бичурин перекрестился и поцеловал висевший на них железный крестик. А когда внучка спросила, кто был его друг, Бичурин ответил: “Бестужев... Декабрист”⁴⁷. В Музее истории и реконструкции Москвы хранится железное кольцо декабриста Е.П. Оболенского.

Браслет из оков был изготовлен для И.А. Анненкова. Интереснейшая история связана с этим браслетом. Начало ей было положено в Петровском Заводе, а продолжение связано с именем известного французского романиста Александра Дюма. В 1858 г. писатель во время путешествия по России посетил Нижний Новгород, где губернатор А.Н. Муравьев познакомил его с прообразами героев романа «Учитель фехтования». Воспоминания Дюма об этой встрече вошли в повесть сибирского писателя М. Сергеева «Несчастью верная сестра»: «Не успел я занять место, думая о сюрпризе, который, судя по приему, оказанному мне Муравьевым, не мог быть неприятным, как дверь отворилась и лакей доложил: “Граф и графиня Анненковы”. Тут Дюма остался верен себе – Иван Александрович и Прасковья Егоровна графского титула не имели. «Эти два имени заставили меня вздрогнуть, вызвав во мне какое-то смутное воспоминание. Я встал. Генерал взял меня под руку и подвел к ново-прибывшим. Александр Дюма, – обратился он к ним. Затем, обращаясь ко мне, он сказал: – Граф и графиня Анненковы – герой и героиня вашего романа “Учитель фехтования”. У меня вырвался крик удивления, и я очутился в объятиях супругов <...>. Графиня Анненкова показала мне браслет, который Бестужев надел ей на руку с тем, чтобы она с ним не расставалась до самой смерти. Браслет и крест, на нем висевший, были окованы железным кольцом из цепей, которые носил ее муж»⁴⁸. В настоящее время браслет хранится в Музее современной истории России в Москве.

Кольца, кресты, браслеты, возможно ожерелья – предметы не крупные, нетяжелые, ведь размер памяти не определялся величиной сувенира. И все-таки был среди кандалных памятных сувениров один большой, по-видимому тяжелый, – железная трость, изготовленная для декабриста В.И. Штейнгейля. В 1939 г. в шестом номере газеты «Омская область» была опубликована статья Германа Андреевича Баронова «Декабрист В.И. Штейнгейль». Автор статьи, внук декабриста, приводил строки воспоминаний В.И. Семевского: «В детстве своем, – пишет В.И. Семевский, – я не раз видел В.И. Штейнгейля у моего брата Михаила и хорошо помню этого бодрого, коренастого, седого старика с очень почтенной наружностью, всегда носившего с собой железную палку, перелитую из его оков». «Кстати, об этой палке, – продолжает автор статьи. – Она хранилась в нашей семье и, к сожалению,

⁴⁷ Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1988. С. 520.

⁴⁸ Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. Иркутск, 1992. С. 275.

в 1901 году была утеряна. Была эта палка более толстой сверху и постепенно снижалась книзу вроде длинной ледяной сосульки. Ручка была в виде молотка, но с заостренным одним концом. На ручке был выгравирован, насколько мне помнится, 1828 год, т.е. тот год, когда со Штейнгейля были сняты кандалы, и название какого-то города, но оно было сильно стерто и его нельзя было разобрать»⁴⁹.

Сколько реликвий было утрачено с тех пор! Частички кандалной памяти рассеяны по музеям и частным собраниям, по разным городам и весям. Обладателем двух легендарных колец является Иркутский музей декабристов. В 2010 г. мы приобрели кольца, имеющие историю, как всякая легенда, изобилующую неточностями, вымыслом, лакунами. Перстни хранились у известного тамбовского коллекционера Николая Никифорова. В каком году они к нему попали, неизвестно, но можно предположить, что в 60-е гг. XX в. Сам Н.А. Никифоров в статье о своей коллекции упоминал, что перстни были переданы ему некоей дальней родственницей Волконских. К сожалению, ни имени, ни фамилии ее он не указал. Вот как он сам писал об этой встрече: «Как-то вместе с моим большим другом, художником, заслуженным деятелем искусств Георгием Николаевичем Карловым в один из моих приездов в столицу мы зашли к его дальней родственнице: по рассказам Георгия Николаевича у нее должны быть интересные вещи. Хозяйка была рада нашему приходу. Говорили о многом. <...> В разговоре, узнав, что я тот самый собиратель из Тамбова, о котором она слышала от Георгия Николаевича, засуетилась, подошла к <...> старомодному шкафу, открыла дверцу, выдвинула маленький ящичек и извлекла бархатный футляр. “Вот, – говорит, – примите мой скромный подарок”. Я бережно взял футляр <...>. Хозяйка улыбнулась и сказала: “Как ни странно, я дарю вам самое дорогое, что у меня есть. Очень уж хочется, чтобы побольше людей увидело эти вещи. Ведь в них частица истории нашей родины. Они мне достались от прабабушки, вернее, от пратетушки”. В футляре лежали два перстня – черные и блестящие. Один, по всей вероятности мужской, с печаткой-монограммой “С.В.”, а второй чуть поменьше, с золотым крестиком вместо монограммы. Перстни из вороненого железа, у того, что с крестиком, – золотая подкладка внутри ободка. Вот что поведала нам с Георгием Николаевичем хозяйка перстней... Когда в 1856 году “во глубину сибирских руд” пришла весть об амнистии для участников декабрьского восстания в Санкт-Петербурге, с каторжников-декабристов снимали кандалы. Многие из освобожденных взяли на память по звену из кандалных цепей, которые носили три десятилетия. Взял такое звено и декабрист Сергей Волконский. В Москве у лучшего ювелира он заказал для себя и для жены два перстня из кандалного железа. Перстни эти супруги носили до конца жизни»⁵⁰. История, конечно, интересная, несмотря на множество странной и недостоверной информации. В первую очередь странно то, что известный коллекционер даже не поинтересовался именем пратетушки, да и имя дарительницы, преподнесшей ему такой бесценный раритет, не указал совсем, ведь рядом в этом же тексте он

Рис. 1. Кольцо Сергея Григорьевича Волконского.
Источник: Сайт Иркутского областного
историко-мемориального музея декабристов

Рис. 2. Кольцо Марии Николаевны Волконской.
Источник: Сайт Иркутского областного историко-
мемориального музея декабристов

⁴⁹ Омская область. 1939. № 6.

⁵⁰ Никифоров Н.А. Перстень из ... кандалов // Поиски продолжаются: рассказы коллекционера. Воронеж, 1968. С. 57–58.

назвал имя дарителя сувенирных кандалов, которые также находились в его коллекции. И еще: дарительница хотела, по словам Н.А. Никифорова, чтобы побольше людей увидело эти реликвии, следовательно, передавать их нужно было в музей, а не в частную коллекцию, где они остались до смерти собирателя. Большое количество посетителей видели перстни, пожалуй, один раз до приобретения их нашим музеем, в 1987 г. на выставке «Декабристские реликвии» в Историческом музее в Москве, где, наряду с печаткой Луниных, уменьшенной копией кандалов, демонстрировались перстни Волконских из кандалного железа.

В 2004 г. Николай Никифоров скончался. Современные владельцы его коллекции в 2010 г. предложили музею приобрести перстни Волконских. Была озвучена сумма в 20 тысяч долларов. У музея с этими кольцами связана собственная история. В 1980-х гг., когда открылся Дом-музей Волконских, сотрудники музея писали коллекционеру в Тамбов, пытаясь получить реликвии в собрание музея, однако ничего не получилось. В 2010 г. нам удалось с помощью коллег из Государственного исторического музея проверить подлинность колец и убедиться, что это не подделка. Известно, что первые стилизации под «кандалные кольца» появились еще при жизни декабристов. Кроме того, изготовлением железных памятных колец из кандалов занимались не только декабристы. В дневнике польского политического ссыльного Ю. Сабиньского за 1840–1842-е гг. есть несколько записей о том, как местные ремесленники «довольно хорошо» делали кольца «из звеньев своих кандалов»⁵¹, иногда получали от них по несколько «очень красивых, отшлифованных больших и маленьких колец и несколько маленьких крестиков. Если Бог вернет меня на родину, это будет ценная память для тех, чья мысль моя видит, сердце всегда помнит»⁵²; на одном из них Сабиньский попросил «вырезать первую букву моей фамилии, чтобы одновременно и печать иметь при себе. Этот перстень очень понравился Немировскому»⁵³. А поскольку он такого не сохранил материала, он просил меня, чтобы я дал ему своего на такой же перстень. Я же хотел на одном из более свободных колец вырезать его букву и, как мое, изнутри покрыть серебром. Сегодня я получил этот перстень у местного художника и при удобном случае пошлю его Леопольду на память»⁵⁴. Бывало, что мастера оказывались неаккуратны: «1841, 4 августа. Я зарекаюсь поручать какую-либо работу местным ремесленникам. Вот уже три месяца я хожу за кольцом и железными крестиками для Иоахима»⁵⁵; «1841, 8 августа. Наконец я вымучил крестики и кольцо для Иоахима»⁵⁶; «1841, 20 августа. <...> Сегодня вечером нужно писать друзьям: Янишевскому, Ручиньскому»⁵⁷, Лесневичу, отправив крестики с кольцом»⁵⁸; «1841, 26 августа. Несмотря на проблемы и неприятности с местным мастером по кольцам, я не мог отказать Ручиньскому и заказать еще одно маленькое железное кольцо для его жены, приезда которой он ожидает этой зимой»⁵⁹; «1842, 6 июля. С того времени, как я велел себе и друзьям или на печатках, или на перстнях вырезать наши цифры с готическими буквами, они вошли здесь в моду. Все из местной иерархии, да даже и из города, хотят иметь готические надписи. Не стоит об этом. Но обычно они направляются ко мне, чтобы я рисовал эти готические буквы, а это мне уже не всегда нравится. Поэтому я иногда отказываю и тем самым навлекая на себя обиду просящих»⁶⁰; «1842, 20 сентября. <...> Немировский, вместо того чтобы уехать на рассвете, сегодня едва выехал в сумерках. Все утро я провел с ним, но только после его отъезда я заметил, что забыл отдать ему железную печатку с инициалами ксендза Хачиского, сделанную из моего материала»⁶¹.

⁵¹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник. Иркутск, 2014. Т. 1. С. 423.

⁵² Там же. С. 557.

⁵³ Немировский Леопольд (1810–1883) – польский политический ссыльный, художник.

⁵⁴ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 567.

⁵⁵ Лесневич Иоахим (1793–1852) – польский политический ссыльный.

⁵⁶ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 602, 603.

⁵⁷ Ручиньский Юстиниан (1810–1892) – польский политический ссыльный.

⁵⁸ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 607.

⁵⁹ Там же. С. 609.

⁶⁰ Там же. С. 700.

⁶¹ Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник... С. 721.

Таким образом, железные кольца и крестики из кандалов имели как минимум семеро польских политических ссыльных, а именно Сабиньский, Грабовский, Ручиньский, Янишевский, Лесневич, Немировский, Хачиский, жена Ручиньского. Юлиан Сабиньский ошибается в том, что мода на железные кольца появилась среди жителей Усольского завода и в Иркутске с началом изготовления колец для польских изгнанников. Как мы уже знаем, это, скорее всего, была вторая волна этой моды, так как и декабристы использовали для украшения щитка готические буквы своих фамилий.

Возвращаясь к кольцам Волконских, следует сказать еще, что через семь лет экспонирования они были отправлены на реставрацию в ВХНРЦ им. акад. Грабаря, где было установлено, что материал и способ их изготовления указывают на то, что они были сделаны в XIX в. Впервые в Иркутске перстни Волконских были представлены на выставке, открывшейся в ноябре 2010 г. Экспозиция привлекла внимание иркутской общественности, Министерства культуры и губернатора Иркутской области. Сбор средств прошел успешно, и реликвии остались в музее декабристов.

В 1987 г. в Восточно-Сибирском книжном издательстве в серии «Полярная звезда» вышел второй том материалов, посвященный декабристу С.П. Трубецкому. Завершая вступительную статью, ее автор В.П. Павлова писала: «В то время, когда том находился в производстве, в распоряжении составителя оказались сведения об одном из колец, изготовленных Н.А. Бестужевым для С.П. Трубецкого из его кандалов. Поскольку судьба этих колец до сих пор оставалась неизвестной и привлекала к себе определенный интерес, считаем не лишним вкратце познакомить читателей с его историей.

Предыстория колец такова: в 1828 г., когда с узников были сняты кандалы, многие из декабристов стали делать из них различные сувениры: кольца, крестики и пр. Наиболее искусным мастером таких поделок был Н.А. Бестужев. Для С.П. Трубецкого он сделал три кольца. Об одном из них стало известно от москвича В.В. Трубецкого (его предок и прадед С.П. Трубецкого были родными братьями). Владимир Владимирович рассказал, что это кольцо Сергей Петрович подарил своей сестре Е.П. Потемкиной. От нее оно перешло к внуку декабриста С.Н. Свербееву и осталось в роду Свербеевых.

В декабре 1986 г. С.Г. Трубецкой, автор книги “*Les princes Troubetzkoi*” (Labelle. Quebec, 1976), проживающий в США, сообщил, что кольцо С.П. Трубецкого работы декабриста Н.А. Бестужева хранится как семейная реликвия в Нью-Йорке у праправнучки С.П. Трубецкого Елизаветы Владимировны де Бирон (урожд. Свербеевой). К письму была приложена фотография кольца. Поскольку поместить ее в настоящем томе уже не представилось возможным, предлагаем его описание. Это кольцо-печатка. Позолоченное. Внешняя часть утолщенная и вдвое шире внутренней. На внешней стороне кольцо украшено накладкой (возможно, из белой эмали) в форме овала, окантованной золотым невысоким бортиком. В центре накладки буква Т. Она выполнена в форме римской цифры III, обрамленной сверху и снизу мягкой изогнутой линией так, что при зеркальном отображении форма буквы не изменяется. Оттиск этой печати сохранился на некоторых письмах декабриста. Судьба двух других колец остается пока неизвестной»⁶².

Архив В.П. Павловой хранится в Иркутском музее декабристов. На одной из выставок музея, посвященной потомкам декабристов, была представлена фотография кольца, которая не вошла в издание. На этом бы история с кольцом декабриста Трубецкого, возможно, и закончилась, если бы в 2013 г. музей не посетил А.С. Кочубей, прямой потомок Волконских по линии дочери декабриста Елены Сергеевны, во втором браке Кочубей. Оказалось, что владелица кольца Елизавета Владимировна де Бирон-Патрикиадес – его хорошая знакомая и почти соседка. В Нью-Йорке Андрей Сергеевич навестил Елизавету Владимировну и прислал нам фото- и видеорепортаж о своем визите, где кольцо было

⁶² Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. Иркутск, 1987. Т. 2. С. 61–62.

в руках владелицы, которая, к сожалению, мало что знала о самом перстне, но рассказала о том, что он перешел к ней от матери, урожденной Свербеевой⁶³.

А.С. Кочубей дал нам надежду на обретение кольца. Он сообщил о готовности Елизаветы Владимировны приехать в Иркутск, мы с радостью откликнулись на это решение, Иркутский музей декабристов имел твердое намерение купить перстень С.П. Трубецкого.

И началась история необретения нами кольца. От визита в Иркутск Елизавета Владимировна отказалась. А.С. Кочубей в течение двух лет вел переговоры с владелицей кольца, убеждая ее передать реликвию в Иркутск. И, хотя согласие на это, наконец, было получено, довести дело до конца так и не удалось. Праправнучка Сергея Петровича и Екатерины Ивановны Трубецких по линии дочери Зинаиды (в замужестве Свербеевой), как выяснилось, мало интересовалась именно этой линией своей родословной. Вероятно потому, что по другой линии она родственница самих Романовых. И эта ветвь ей всегда была более интересна.

Первая мысль, которая пришла владелице, – продать кольцо. Была назначена цена в 10 тысяч долларов. Позже, когда эксперты аукционного дома «Кристис» заявили, что кольцо «не стоит ни цента», хозяйка решила подарить его музею. Но по непонятным причинам передумала. В 2020 г. секретарь Елизаветы Владимировны сообщил нам о ее смерти и о завещании, по которому архив семьи Свербеевых и перстень поступили в распоряжение Института российской истории в Калифорнии.

Перстень и архив остались в Америке, возможно, они кому-нибудь там и нужны. Скорее всего, только истории. А для нас, людей, живущих в России, осталась память, а память всесильна! Сейчас образ этого кольца декабриста можно увидеть в доме-музее семьи Трубецких. Иркутские ювелиры из фирмы «София» по фотографиям, видеоматериалам и описанию изготовили не копию, а образ кольца, который в настоящее время экспонируется в музее.

В настоящее время можно увидеть кольца декабристов из кандалного железа в нескольких музеях. Часть перстней хранится в Государственном историческом музее. Это памятные кольца для декабристов В.Л. Давыдова и А.И. Одоевского работы Николая Бестужева, перстень Г.С. Батенькова, женский перстень с гербом на щитке. В Музее истории и реконструкции Москвы находится железное кольцо декабриста Е.П. Оболенского. Два кольца, сделанных из кандалных цепей в Петровском Заводе и принадлежавших И.И. Пущину, хранятся во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге. В собрании Исторического музея в Москве находятся кресты из кандалов И.Д. Якушкина и С.П. Трубецкого. В Иркутском музее декабристов, как уже указывалось, хранятся перстни Волконских.

Знаки, символы, эмблемы – горькая память изгнания, крепкая, железная, оставляющая темный след на коже, суровые рубцы на сердце, но греющая душу всех тех, кто помнит...

Литература

Басаргин Н.В. Воспоминания, рассказы, статьи / подгот. И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 541 с.

В.Ф. Раевский: материалы о жизни и революционной деятельности / подгот.: А.А. Брегман, Е.П. Федосеева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1980. Т. 1: Документы о революционной деятельности и судебном процессе. 415 с.

Воспоминания Бестужевых / ред. ст. и коммент. М.К. Азадовского. М.; Л., 1951. 892 с.

Восстание декабристов. Документы. М.: РОССПЭН, 2016. Т. XXIII: Материалы об имущественном положении декабристов / под ред. С.В. Мироненко. 775 с.

⁶³ В.С. Свербеев, правнук декабриста С.П. Трубецкого, был женат на графине М.А. Белёвской-Жуковской (1901–1996), правнучке поэта В.А. Жуковского и праправнучке императора Николая I. Ее отец, граф Алексей Алексеевич Белёвский-Жуковский (1871–1932), был незаконнорожденным ребенком сына императора Александра II Алексея. Мария Алексеевна Свербеева была моделью в русском модном доме «ТАО» в Париже. В 1923 г. у Владимира и Марии Свербеевых родилась дочь Лиза, в замужестве Е.В. Бирон-Патрикиадес.

Габриэль Г.Н. Из истории ювелирного искусства: памятные, мемориальные и траурные украшения // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2010. Т. 189. С. 26–31.

Даревская Е.М. Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай, Монголия. Иркутск: Изд-во Иркутского музея декабристов, 2007. 115 с.

Добрынина Е.А. М.В. Муравьев: от новгородского любителя древностей до хранителя наследия декабристов // Декабристское кольцо: Вестник Иркутского музея декабристов. Иркутск, 2021. Вып. 6. С. 109–155.

Зильберштейн И.С. Художник-декабрист Николай Бестужев. М.: Изобразительное искусство, 1988. 680 с.

Лорер Н.И. Записки декабриста / подгот., вступит. ст. М.В. Нечкиной. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 416 с.

Лунин М.С. Сочинения, письма, документы / вступит. ст. Н.Я. Эйдельмана, коммент. И.А. Желваковой, Н.Я. Эйдельмана. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 566, [1] с.

Муханов П.А. Сочинения, письма / отв. ред. В.А. Федоров. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 494 с.

Никифоров Н.А. Поиски продолжаются: рассказы коллекционера. Воронеж: Центр.-Черноземное книжное изд-во, 1968. 64 с.

Павлова В.П. Декабрист Сергей Петрович Трубецкой // Трубецкой С.П. Материалы о жизни и революционной деятельности: в 2 т. / изд. подгот. В.П. Павловой (Сер.: Полярная звезда). Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987. Т. 2: Письма, дневник 1857–1858 гг. С. 3–61.

Поджио А.В. Записки, письма / вступит. ст. Н.П. Матхановой. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. 590 с.

Покровский А.А. Предисловие // Восстание декабристов. Материалы. М.; Л.: Государственное изд-во, 1925. Т. 1. С. VII–XIX.

Пушкин А.С. Повести Белкина с комментариями / сост. А.В. Большова, вступит. ст. А.В. Леднев, коммент. Е.А. Афанасьева, М.Е. Быкова, Л.В. Ипатова, О.О. Устинова. М.: Кучково поле, 2022. 144 с.

Пуцин И.И. Записки о Пушкине. Письма / сост., вступит. ст. и коммент. М.П. Мироненко, С.В. Мироненко. М., 1989. 574 с.

Пуцин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 1999. Т. 1: Записки о Пушкине. Письма 1816–1849 гг. 549 с.

Пуцин И.И. Сочинения и письма: в 2 т. М.: Наука, 2001. Т. 2: Письма 1850–1859 гг. 622 с.

Розен А.Е. Записки декабриста / подгот., вступит. ст. Г.А. Невелева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. 497 с.

Сабиньский Ю.-Г. Сибирский дневник: в 2 т. / пер. с польск. О.Г. Басовой. Иркутск: Иркутский музей декабристов, Артиздат, 2014. Т. 1. 820.

Сергеев М.Д. Несчастью верная сестра. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 380 с.

Штейнгейль В.И. Сочинения и письма / подгот.: Н.В. Зейфман, В.П. Шахеров, отв. ред. С.В. Житомирская. Иркутск, 1985. Т. 1: Записки и письма. 608 с.

Щеголев П.Е. Николай I и декабристы: очерки. Пг.: Былое, 1919. 62 с.

Якушкин И.Д. Мемуары, статьи, документы / подгот. И.В. Порох. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1993. 399 с.

References

Azadovskiy, M.K. (Publ.). (1951). *Vospominaniya Bestuzhevyykh* [Memoirs of the Bestuzhevs]. Moscow, Leningrad. 892 p.

Basova, O.G. (Transl.), Sabin'skiy, Yu.-G. (2014). *Sibirskiy dnevnik: v 2 t.* [Siberian Diary: In 2 vol.]. Irkutsk, Irkutskiy muzey dekabristov, Artizdat. Vol. 1. 820 p.

Bol'shova, A.V. (Comp.), Pushkin, A.S. (2022). *Povesti Belkina s kommentariyami* [Belkin's Tales with Comments]. Moscow, Kuchkovo pole. 144 p.

Bregman, A.A., Fedoseeva, E.P. (Publ.). (1980). *V.F. Raevskiy: materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti. T. 1: Dokumenty o revolyutsionnoy deyatel'nosti i sudebnom protsesse* [V.F. Raevsky: Materials on Life and Revolutionary Activity. Vol. 1: Documents on Revolutionary Activities and Litigation]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 415 p.

Darevskaya, E.M. (2007). *Dekabristy v Sibiri i sosednie strany Vostoka – Kitay, Mongoliya* [The Decembrists in Siberia and Neighboring Eastern Countries, Such as China and Mongolia]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 115 p.

Dobrynina, E.A. (2021). M.V. Murav'ev: ot novgorodskogo lyubitelya drevnostey do khranitel'ya naslediya dekabristov [M.V. Muravyov: From a Novgorodian Antiquarian to a Keeper of the Decembrists' Heritage]. In *Dekabristskoe kol'tso: Vestnik Irkutskogo muzeya dekabristov*. Irkutsk. Vol. 6, pp. 109–155.

Eydel'man, N.Ya., Zhelvakova, I.A. (Publ.). Lunin, M.S. (1988). *Sochineniya, pis'ma, dokumenty* [Essays, Letters, Documents]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 566 p.

Fedorov, V.A. (Ed.), Mukhanov, P.A. (1991). *Sochineniya, pis'ma* [Writings, Letters]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 494 p.

Gabriel, G.N. (2010). *Iz istorii yuvelirnogo iskusstva: pamyatnye, memorial'nye i traurnye ukrasheniya* [From the History of Jewelry: Commemorative, Memorial and Mourning Jewelry]. In *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. Vol. 189, pp. 26–31.

Matkhanova, N.P. (Publ.), Podzhio A.V. (1989). *Zapiski, pis'ma* [Notes, Letters]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 590 p.

Mironenko, M.P., Mironenko, S.V. (Publ.). Pushchin, I.I. (1989). *Zapiski o Pushkine. Pis'ma* [Notes on Pushkin. Letters]. Moscow. 574 p.

Mironenko, S.V. (Ed.). (2016). *Vosstanie dekabristov. Dokumenty* [Decembrist Uprising. Documents. Vol. XXIII: Materials on the property status of the Decembrists]. Moscow, ROSSPEN. 775 p.

Nechkina, M.V. (Publ.), Lorer, N.I. (1984). *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 416 p.

Nevelev, G.A. (Publ.). Rozen, A.E. (1984). *Zapiski dekabrista* [Notes of the Decembrist]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 497 p.

Nikiforov, N.A. (1968). *Poiski prodolzhayutsya: rasskazy kollektionera* [The Search Continues: Stories from a Collector]. Voronezh, Tsentral'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo. 64 p.

Pavlova, V.P. (1987). Dekabrist Sergey Petrovich Trubetskoy [Decembrist Sergei Petrovich Trubetskoy]. In *Trubetskoy S.P. Materialy o zhizni i revolyutsionnoy deyatel'nosti*. Irkutsk. Vol. 2, pp. 3–61.

Pokrovskiy, A.A. (1925). *Predislovie* [The Preface]. In *Vosstanie dekabristov. Materialy*. Moscow, Leningrad. Vol. I, pp. VII–XIX.

Porokh, I.V. (Publ.), Basargin, N.V. (1988). *Vospominaniya, rasskazy, stat'i* [Memories, Stories, Articles]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 541 p.

Porokh, I.V. (Publ.), Yakushkin, I.D. (1993). *Memuary, stat'i, dokumenty* [Memoirs, Articles, Documents]. Irkutsk, Vostocno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 399 p.

Pushchin, I.I. (1999). *Sochineniya i pis'ma: v 2 t. Vol. 1: Zapiski o Pushkine. Pis'ma 1816–1849 gg.* [Works and Letters: In 2 Vol. Vol. 1: Notes on Pushkin. Letters 1816–1849]. Moscow, Nauka. 549 p.

Pushchin, I.I. (2001). *Sochineniya i pis'ma: v 2 t. T. 2: Pis'ma 1850–1859 gg.* [Works and Letters: In 2 Vol. Vol. 1: Letters 1850–1859]. Moscow, Nauka. 622 p.

Sergeev, M.D. (1992). *Neschast'yu vernaya sestra* [A Faithful Sister to Misfortune]. Irkutsk, Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. 380 p.

Shchegolev, P.E. (1919). *Nikolay I i dekabristy: ocherki* [Nicholas I and the Decembrists: Essays]. Petrograd, Byloe. 62 p.

Zeyfman, N.V., Shakherov, V.P. (Publ.), Zhiromskaya, S.V. (Ed.), Shteyngeyl, V.I. (1985). *Sochineniya i pis'ma. T. 1: Zapiski i pis'ma* [Writings and Letters. Vol. 1: Notes and letters]. Irkutsk, 1985. 608 p.

Zil'bershteyn, I.S. (1988). *Khudozhnik-dekabrist Nikolay Bestuzhev* [The Decembrist Painter Nikolai Bestuzhev]. Moscow, Izobrazitelnoe iskusstvo. 680 p.